

II. Политология

Ольга Малинова

Образы России и «Запада» в дискурсе власти (2000-2007 гг.): попытки переопределения коллективной идентичности¹

Одной из множества проблем, с которыми российское общество столкнулось после распада СССР, оказался кризис самоидентификации. Изменились не только внешние границы, но и место России в мире. Трансформировалась система связей внутри социума. Вместе с тем, реформы 1990-х гг. породили глубокие идеологические расколы, осложнившие поиски новых определений коллективной идентичности. Таким образом, кризис самоидентификации был обусловлен не только необходимостью переосмысления представлений о «нас» в изменившемся контексте, но и конфликтами интерпретаций этого понятия.

В постсоветском обществе, переживающем глубокую и всестороннюю трансформацию, объектами переопределения стали практически все виды идентичности – национальная, гражданская, культурная, этническая, конфессиональная, региональная и даже гендерная. В настоящей статье речь пойдет о самоидентификации политического и культурного сообщества, стоящего за российским государством, сообщества, которое, согласно ст. 3 Конституции РФ является «носителем суверенитета и единственным источником власти». В отечественном политическом лексиконе есть разные слова для обозначения этого сообщества: «многонациональный народ», «нация», «граждане России», «россияне», «русские» и др., причем объем понятия зависит от выбора термина. Определение такого сообщества как «нации», принятое во многих странах, в российском контексте вызывает споры². По-видимому, за отмеченными терминологическими

---

¹ Впервые статья была напечатана в сборнике: Образ России в мире: становление, восприятие, трансформация / Отв. ред. И.С.Семенов. М.: ИМЭМО РАН, 2008. С.86-106.

² Как политкорректно подытожил позицию сомневающихся М.Шаймиев, «понимание нации в нашей стране существенно отличается от западного. Большинство населения по-прежнему воспринимают нацию не как политическое или общегражданское понятие, а этнокультурное, историческое, традиционное. Попытки утвердить концепцию российского народа как политико-гражданской нации встречают естественное недопонимание у части общественного мнения» (Шаймиев М. Судьбы демократии в России. Национальная политическая модель: принципы и приоритеты // PRO суверенную демократию. М.: Европа, 2007. С.296). Анализ проблемы см. (Миллер А. Нация как рамка политической жизни // Pro et contra. 2007. №3(37). С.6-20; Тишков В.А. Что есть Россия и российский народ // Pro et contra. 2007. №3(37). С.21-41;

разночтениями стоят когнитивные и мировоззренческие противоречия, которые вносят свою лепту в синдром «кризиса идентичности».

В данной статье мы проанализируем один из аспектов «символической политики» Путина – дискурсивное конструирование коллективной идентичности общества, объединяемого государством Россия, через соотнесение с Другим, описываемым собирательным понятием «Запад». Исторически по крайней мере с XVIII в. «Европа», «Запад» были значимым Другим, по отношению к которому определялась и переопределялась русская идентичность. Разумеется, в этой роли выступал *не только* «Запад»; однако *данная* оппозиция была чрезвычайно устойчивой и важной, и на то был ряд причин – геополитических, исторических, культурных. Вопрос о сохранении национальной «самобытности» в ситуации «догоняющей модернизации» на протяжении большей части XIX в. занимал центральное место в комплексе проблем, в ходе осмысления которых формировались различные интерпретации «идеи нации» в России³.

Споры о «самобытности» России, об отношении ее к «Западу» и о возможности для нее «особого пути» порождают относительно устойчивый дискурс⁴, структура которого определяется противостоянием двух полюсов, рассматривающих Россию как тоже-Европу или не-Европу и соответствующим образом оценивающих перспективы освоения западного опыта и задачи внутренней и внешней политики. Было бы неверно представлять противостояние «западничества» и «антизападничества» как исключительно российское явление: проблема коллективной самоидентификации по отношению к «прогрессивному» Западу вставала во многих странах, раскалывая элиту на призывающих к скорейшему освоению передового опыта «западников» и уповающих на национальную самобытность «почвенников». Вариации на те же темы звучат сегодня в постколониальных дискурсах, в спорах «евроскептиков» и «еврооптимистов», в выступлениях антиглобалистов и др. Однако в России этот спор воспроизводится беспрецедентно *долго*; причем периодически он приобретает значение одного из *главных идеологических водоразделов*. В этом дискурсе преобладают *противополож-*

Паин Э.А. Россия между империей и нацией // Pro et contra. 2007. №3(37). С.42-59; Малинова О.Ю. Конструирование идентичности: возможности и ограничения // Pro et contra. 2007. №3(37). С.60-65).

³ См.: Малинова О.Ю. Образы «Запада» и модели русской идентичности в дискуссиях середины XIX в. // Космополис. 2005. №2(12). С.38-59; Малинова О.Ю. Национальная самобытность и прогресс: интерпретации «идеи нации» в пореформенной России // Космополис. 2005. №4(14). С.59-83; Малинова О.Ю. Западничество и антизападничество в России: поиски национальной идентичности в контексте «догоняющей модернизации» // Пути России: Преемственность и прерывистость общественного развития. М.: МВСШЭН, 2007. С.298-306.

⁴ Дискуссии российских «западников» и их оппонентов воспроизводят вполне определенную «систему формирования высказываний» (по М.Фуко) и, таким образом, могут рассматриваться в качестве особого дискурса, заданного темой и структурой оппозиций (см. Фуко М. Археология знания. СПб.: Гуманитарная академия, 2004. С.209-210).

ные образы и оценки; и хотя крайнее западничество, как и крайнее антизападничество – явление сравнительно редкое, каждый из лагерей стремится полемизировать с воображаемыми радикальными вариантами доктрин своих оппонентов. Несмотря на то, что в действительности участниками этого долгого дискурса было представлено множество *разных* образов Нас и Других, его структура определяется бинарной оппозицией зеркально противоположных интерпретаций.

Как мы попытаемся показать, модель коллективной идентичности⁵, предложенная В.Путиным и идеологами его администрации, на фоне этой традиции представляет собой определенную инновацию. Предметом нашего анализа станет репрезентация образов России и Запада в программных выступлениях президента Путина, а также их развитие и интерпретация в текстах других представителей российского политического класса. Описав модель коллективной идентичности, продвигаемую «властью», мы попытаемся в первом приближении оценить, как заложенные в ней инновации воспринимаются элитой и обществом.

Позиционирование России по отношению к «обществу самых развитых государств» в выступлениях президента В.В.Путина

Выступления, заявления, статьи, пресс-конференции, интервью В.В.Путина за два срока его президентства составляют огромный массив текстов, в котором тема «Россия и мир» рассматривается в разных ракурсах и контекстах. Не ставя задачей охватить все многообразие сюжетов, затрагиваемых в этих текстах, мы попытаемся выделить наиболее очевидные способы репрезентации образов России и «Запада» в риторике Путина. В основу нашего исследования будет положен анализ восьми ежегодных посланий президента Федеральному Собранию РФ. Эти документы фиксируют определенные вехи в развитии политического курса, имеют программный характер и в этом качестве неизменно оказываются предметом публичного обсуждения. Кроме того, они составляют вполне самостоятельный корпус текстов, которые, будучи однородными по жанру, структуре и объему, удобны для сравнительного анализа с применением качественных и количественных методов. С помощью дискурс-анализа⁶ и контент-анализа⁷ президент-

---

⁵ Под этим термином мы понимаем дискурсивно задаваемые базовые представления о Нас (обычно в соотнесении с некими Значимыми Другими), которые структурируют восприятие социальной реальности. Модели коллективной идентичности имеют различные измерения (онтологическое, аксиологическое, когнитивное и др.); в концентрированном виде они воплощаются в образах Нас и Других, которые и будут основным предметом нашего анализа.

⁶ Объектами дискурс-анализа стали фрагменты текстов президентских посланий, в которых содержались прямые или косвенные характеристики Нас и Других, традиционно включаемых в понятие «Запад». Целью исследования было выявить основные способы репрезентации Нас и Других и сравнить их с соперничающими моделями, определяющими структуру долгого дискурса о самоидентификации России по отношению к «Европе»/«Западу» (см. Малинова О.Ю. Западничество и антизападничество в России... С.301-302).

⁷ Дискурс-анализ выделенных фрагментов текстов был дополнен контент-анализом, задачей которого было проследить динамику репрезентации Нас и Других в президентских посланиях Путина. В качестве классифицирующих категорий использовались способы репрезентации

ских посланий мы попытаемся выделить главные черты представленных в них образов Нас и Других и проследить их динамику. Полученные выводы мы дополним наблюдениями, сделанными на основе ряда других путинских текстов.

Начнем с характеристики собирательного образа «Запада» как Другого. Следует отметить, что в российском общественном сознании этот образ имеет сложную структуру, причем отдельные его компоненты несут разную смысловую нагрузку. Г.Г.Дилигенский предлагал различать «внешнеполитическую» и «экзистенциальную» составляющую образа Запада. Согласно его интерпретации, первая определяется отношением к Западу как к важнейшей части той внешней среды, в которой существует и развивается российское общество; она соотносится с конкретно-исторической ситуацией, возникшей после окончания холодной войны. Вторая же связана с проблематикой цивилизационного самоопределения России, с вопросом о том, в какой мере западное общество с присущими ему экономическими, социальными, культурно-ценностными и институционально-политическими структурами может служить образцом для России. По мысли Дилигенского, эти составляющие относительно автономны, хотя и взаимосвязаны⁸. Мы сосредоточимся на характеристике «Запада» как Другого, в соотношении с которым определяется российская идентичность, не углубляясь в анализ его репрезентации в качестве партнера/противника в контексте текущей мировой политики. Таким образом, нас в большей мере будет интересовать то, что Г.Г.Дилигенский назвал «экзистенциальной» составляющей.

В 1990-е гг. в российском дискурсе о «цивилизационном самоопределении» доминировали два противоположных образа Значимого Другого. В изображении «антизападников» Запад представлялся *Чуждым и Враждебным Нам Другим*, который стремится навязать России свои ценности, чтобы ослабить ее, и корыстно преследует собственные интересы, прикрываясь двойными стандартами. Данная модель признавала роль Запада в качестве технологического лидера и образца высокого уровня жизни, подчеркивая при этом, что благополучие «золотого миллиарда» достигнуто ценой жестокой эксплуатации менее развитых стран. В стане же «западников» тиражировался образ Запада как *Другого, которого Сто-*

образов России и «самых развитых государств», выявленные в результате дискурс-анализа. Поскольку выбранные таким образом категории трудно формализовать, сведя их к определенным словам, был выбран метод анализа, использующий в качестве единицы содержания элементарные высказывания (см. Черемисина М.И. Элементарные высказывания как единица анализа текста // Методологические и методические проблемы контент-анализа. – М.-Л.: Институт социологических исследований АН СССР, 1973. – Вып. 1. – С.65-70). Под элементарным высказыванием понимается фраза, имеющая завершённую синтаксическую структуру, т.е. состоящая из предиката (сказуемого) и цепочки зависимых слов. Подсчет элементарных высказываний, соответствующих той или иной рубрике классификатора, предварялся процедурой «развертывания» текста, выделения в нем синтаксических цепочек, «свернутых» в сложные предложения, причастные и деепричастные обороты.

⁸ Дилигенский Г.Г. Хочет ли Россия дружить с Западом? // Запад и западные ценности в российском общественном сознании. М.: ИМЭМО РАН, 2002. С.86-88.

ит Взять за Образец не только потому, что он является воплощением идеалов свободы и демократии, но и из прагматических соображений: Запад – это общество с высокими показателями качества жизни и желанный для российской экономики богатый инвестор. Вместе с тем, «западническая» модель признавала наличие «дистанции» между Россией и ее Значимым Другим; сторонники данной модели не забывали упоминать и о культурной специфике России, и о необходимости избирательного усвоения западного опыта (хотя эту часть их рассуждений оппоненты предпочитали не замечать)⁹.

Образ Другого, реконструируемый на основе текстов Путина, не соответствует ни одной из описанных выше соперничающих моделей, но включает элементы, «созвучные» им обеим. Риторика посланий второго президента России подчеркнута прагматична; она в минимальной степени следует идеологическим клише, характерным для дискурса западников/антизападников. Весьма характерный пример: ни в одном из восьми ежегодных посланий Путина не использовалось собирательное понятие «Запад» (и даже словосочетание «Западная Европа» употреблено лишь однажды¹⁰). Рассуждая о месте России в мире, Путин, как правило, прибегает к более общим формулировкам («другие страны», «многие страны», «наши международные партнеры»). Страны, традиционно включаемые в понятие «Запад», обозначаются в его посланиях описательно, через указание на некие качества, причем без географической привязки – как «сообщество самых развитых государств», «страны с высокоразвитой экономикой», «сильные, экономически передовые и влиятельные государства мира» и т.д. По-видимому, выбор этого словарного ряда не случаен: за ним стоит стремление президента и его спичрайтеров отказаться от терминов, отягощенных негативными коннотациями, подчеркнуть «объективность» и «непредвзятость» оценок Другого, отойти от «старого» репертуара смыслов. И этот прием несомненно работает.

В текстах путинских посланий Другой наделяется вполне конкретными позитивными характеристиками – они зафиксированы в его определениях («сильные», «экономически развитые», «влиятельные» государства). Эти качества не эксклюзивны – Россия тоже может обладать ими либо в будущем (традиционный элемент «западнической» модели коллективной идентичности), либо уже в настоящем и даже в прошлом (аспект, специально подчеркиваемый моделью, продвигаемой Путиным и идеологами действующей российской власти). Таким образом, используемый понятийный ряд позволяет заменить биполярную модель (Россия vs. Запад) на континуум. Границы между Нами и Другими не абсолют-

⁹ Подробнее см.: Малинова О.Ю. Запад как «конституирующий Другой» России (Образы Европы и Запада в современных общественно-политических дискуссиях) // Россия и Европейский Союз. М.: РОО «Кеннан», 2004. С.11-20.

¹⁰ В одном из фрагментов выступления 2005 г. сравнивалась продолжительность жизни мужчин и женщин в России и Западной Европе (Путин В.В. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. Москва, 25 апреля 2005 г. // http://www.kremlin.ru/appears/2005/04/25/1223type63372type63374type82634_87049.shtml).

ны, а условны. Россия – и другая, и такая же (или становится такой же); степень различий зависит от выбора шкалы, при этом шкалы множественны и конкретны.

Не менее важно и то, как подается критика в адрес Другого: негативные оценки в президентских посланиях нередко облачаются в безличные предложения («наши усилия избавить Россию от опасности подчас трактуются необъективно...»¹¹, «укрепление... нашей государственности – подчас сознательно трактуется как авторитаризм»¹², «не всем нравится стабильное поступательное развитие нашей страны...»¹³ и т.д.). Тем самым объектом критики оказывается фиксируемое наблюдателем поведение Другого, а не некие неизменные качества, присущие ему «от природы». В такой формулировке Наше недовольство Другим не закрывает возможность диалога с ним.

В президентских посланиях Другой настойчиво представляется как *Партнер* по игре, правила которой предполагают *конкуренцию*, причем подчеркивается, что и Россия должна освоить те же правила («жесткая конкуренция» – «норма в международном сообществе», «в современном мире с нами никто не собирается враждовать..., но нас никто особенно и не ждет»¹⁴, мы должны «как все без исключения страны мира» «отстаивать свои экономические интересы и использовать свои конкурентные преимущества»¹⁵). В этом контексте разногласия естественны и не должны рассматриваться как следствие *неприятности*.

Вместе с тем, начиная с 2003 г. в текстах путинских посланий все более отчетливо звучит раздражение по поводу не вполне добросовестного поведения партнеров: они не стесняются видеть в своих «видимых экономических преимуществах» «повод для роста геополитических амбиций»¹⁶, не очень хотят «иметь дело с самостоятельной, сильной и уверенной в себе Россией»¹⁷, используют переговоры о вступлении России в ВТО как инструмент «торга по вопросам, не имеющим ничего общего с деятельностью этой организации», забывают про «пафос необходимости борьбы за права человека и демократию, когда речь заходит о

---

¹¹ Путин В.В. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. Москва, 8 июля 2000 г. // <http://www.kremlin.ru/appears/2000/07/08/0000type63372type6337428782.shtml>

¹² Путин В.В. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. Москва, 26 мая 2004 г. // <http://www.kremlin.ru/appears/2004/05/26/2003type63372type6337471501.shtml>

¹³ Путин В.В. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. Москва, 26 апреля 2007 г. // <http://www.kremlin.ru/appears/2007/04/26/1156type63372type6337471501type82634125339.shtml>

¹⁴ Путин В.В. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. Москва, 18 апреля 2002 г. // <http://www.kremlin.ru/appears/2002/04/18/0000type63372type6337428876.shtml>

¹⁵ Путин В.В. Послание... 2007 г.

¹⁶ Путин В.В. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. Москва, 16 мая 2003 г. // <http://www.kremlin.ru/appears/2003/05/16/1259type63372type6337444623.shtml>

¹⁷ Путин В.В. Послание... 2004 г.

необходимости реализовать собственные интересы»¹⁸, и наконец, «ловко используя псевдодемократическую идеологию», хотят «вернуть недавнее прошлое»¹⁹ и т.д. По мере того, как нарастают эти критические нотки, в образе *Партнера* начинают проглядывать черты если не *Враждебного*, то во всяком случае *Недружественного Другого*.

Впрочем, в текстах Путина недовольствие поведением Другого нередко смягчается ссылками на обстоятельства, которыми оно продиктовано («трудности нахождения общего языка» связаны с «тяжелыми последствиями» холодной войны²⁰, «далеко не все в мире смогли уйти от стереотипов блокового мышления и предрассудков, доставшихся нам от глобальной конфронтации»²¹ и т.п.). В конечном счете, «неразорвавшиеся снаряды» холодной войны²² – это *общая* проблема, которую Россия видит и готова решать вместе со своими партнерами. Наряду с прямой критикой в адрес Другого, в выступлениях Путина есть множество фрагментов, где констатируются «объективные» трудности выстраивания взаимоотношений, а также декларируются предпочитаемые Россией принципы их развития. Эти фрагменты можно рассматривать как косвенную критику Другого (потребность в обсуждении принципов возникает, когда они не соблюдаются или по-разному интерпретируются). Такой способ обсуждения проблем имеет важные психологические особенности: одно дело, когда мы заявляем о недостатках партнера, другое – когда говорим о своем видении проблем и перспектив наших отношений. В последнем случае говорящий демонстрирует не только свои негативные эмоции по поводу поведения партнера, но и готовность к разумному и конструктивному развитию отношений при наличии ответной доброй воли²³.

Таким образом, Путин постоянно подчеркивает, что Россия и члены «сообщества самых развитых государств» играют в одну и ту же игру, и в то же время – призывает партнеров соблюдать правила. Однако настойчивость, с которой президент России вынужден возвращаться к критике поведения конкурентов, невольно отсылает к стереотипному образу «Запада»: это Другой, который *не хочет воспринимать Россию как себе подобную и играть с нею на равных*.

---

¹⁸ Путин В.В. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. Москва, 10 мая 2006 г. // <http://www.kremlin.ru/appears/2006/05/10/1357type63372type63374type82634105546.shtml>

¹⁹ Путин В.В. Послание... 2007 г.

²⁰ Путин В.В. Послание... 2000 г.

²¹ Путин В.В. Послание... 2006 г.

²² Путин В.В. Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности. Мюнхен, 10 февраля 2007 г. // http://www.kremlin.ru/appears/2007/02/10/1737_type63374type63376type63377type63381type82634118097.shtml

²³ Можно отметить и еще одну психологическую особенность образа России в посланиях Путина: этот образ наделяется чертами «взрослого», способного брать ответственность на себя и не винить других в собственных неудачах («только от нас зависит, сможем ли удержать ситуацию и обеспечить благоприятные условия для собственного развития...») (Путин В.В. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. Москва, 3 апреля 2001 г. // <http://www.kremlin.ru/appears/2001/04/03/0000type63372type6337428514.shtml>) и т.п.).

Вместе с тем, именно утверждение представления о России как *подобной и равной* другим «сильным, экономически передовым и влиятельным государствам мира» является одним из основных лейтмотивов посланий Путина (и главной его инновацией по сравнению с моделями коллективной идентичности, доминировавшими в дискурсе 1990-х гг.). Тема *подобия* России ее Значимому Другому традиционно развивалась через метафору *ученичества*: многочисленные версии западничества, связывавшие отличия от «остальной Европы» с отсталостью России, стремились представить последнюю как *Способную Ученицу*, которая быстро делает успехи. Данная метафора позволяет фиксировать как подобие («успехи»), так и различия («отставание»). В текстах посланий Путина нашло место и то, и другое²⁴. При этом описательная терминология, отмеченная нами выше, позволяет подчеркивать относительность сходств и различий, увязывая оценку с выбором «шкалы».

Однако метафора «ученичества» таит смысловые ловушки. Как справедливо заметил И.Нойманн, «представление о России как об ученике предполагает, что она все больше становится похожей на "нас" и все меньше остается "другой"»²⁵. В таком случае как долго отличия могут рассматриваться в качестве определяющей характеристики? Очевидно, что описываемый Нойманном европейский дискурс, интерпретируя Россию как Другого, стремится «удержать» различия (в том числе – за счет переопределения контекста). Однако подходит ли такая стратегия России? Не случайно норвежский исследователь задается вопросом: «останется ли самоотождествление с учеником доминирующей идентичностью в самом политическом дискурсе России»? Ведь «идея обучения предполагает неравенство, и потому с точки зрения русских неизбежен конфликт между принятием на себя роли "ученика" и сохранением представления о России как о великой европейской державе...»²⁶.

Выступления Путина дают вполне однозначный ответ на вопрос Нойманна: модель коллективной идентичности, продвигаемая российской властью с начала 2000-х гг., подчеркивает, что Россия во многих отношениях *уже является «та-*

---

²⁴ Президент неизменно подчеркивал факты, свидетельствующие о сокращении дистанции между Россией и «самыми развитыми государствами» (успехи на пути интеграции в мировую экономику (Путин В.В. Послание... 2001 г.; Путин В.В. Послание... 2002 г.), статус «полноправного члена клуба восьми наиболее развитых государств мира» (Путин В.В. Послание... 2003 г.) и др.). Вместе с тем, Путин критически отмечал и различия, не позволяющие пока поставить знак равенства между Россией и «передовыми государствами» (тема экономического отставания, «толкающего Россию в страны третьего мира», и необходимости его преодоления (Путин В.В. Послание... 2000 г.; Путин В.В. Послание... 2002 г.) и др.). Впрочем, как показывают результаты нашего контент-анализа, удельный вес высказываний такого рода в посланиях Путина невелик (см. рис. 1).

²⁵ Neumann I.B. *Uses of the Other. "The East" in European Identity Formation*. Manchester: Manchester University Press, 1999. P. 107 (русский перевод: Нойманн И. *Использование «Другого». Образы Востока в формировании европейских идентичностей*. М.: Новое издательство, 2004).

²⁶ *Ibid.* P. 108.

кой же», как «самые развитые государства мира». Это обстоятельство аргументируется не только недавними достижениями (участие в «большой восьмерке», экономический рост и др.) и ссылками на опыт антитеррористической коалиции, но и констатацией европейской идентичности России²⁷, признанием вклада нашей страны в становление «общеевропейской и мировой культуры»²⁸, напоминанием о «цивилизаторской миссии» России «на евразийском континенте»²⁹, замечаниями о том, что проблемы, с которыми сегодня сталкивается Россия, знакомы многим другим странам³⁰, наконец – ответственностью за противодействие глобальным угрозам, которую Россия несет наравне с «ведущими мировыми державами»³¹ и др.

Вместе с тем, в выступлениях Путина подчеркивается не только подобие России Значимому Другому, но и ее *самобытность* и *самостоятельность* в осуществлении собственных целей и общих с другими развитыми и демократическими государствами идеалов.

Первые наброски идеи, позже получившей развитие в концепции «суверенной демократии», высказывались Путиным уже в его первом послании Федеральному Собранию: «Демократическое устройство страны, открытость новой России миру не противоречат нашей самобытности и патриотизму, не мешают находить собственные ответы на вопросы духовности и морали», – заявлял он³². Смысл этой фразы, видимо не случайно выделенной в печатном тексте послания жирным шрифтом, становится понятен, если обратиться к истории долгих споров о коллективной самоидентификации по отношению к «Западу». Так уж сложилось, что «демократическое устройство» и «открытость миру» были достоянием «западнической» модели, утверждавшей *подобие* России остальной Европе (что на практике не исключало признания самобытности, однако это обстоятельство чаще всего ускользало от внимания оппонентов). Данная модель предполагала, что Россия рано или поздно должна «догнать» «Запад», двигаясь «тем же путем» (пусть и по-своему). Что касается «самобытности» и поиска «собственных ответов на вопросы духовности и морали» – эти принципы оказались атрибутами «почвеннической» модели, подчеркивавшей качественный характер *различий* между Россией и Западной Европой и настаивавшей на принципиальной непригодности опыта последней и необходимости «особого пути». Таким образом, по логике этого дискурса, признание целей и ценностей, которые символизирует Значимый Другой, означает принятие роли догоняющего, неравного, утверждение же собственной «самобытности», самостоятельности и в этом смысле – рав-

---

²⁷ Путин В.В. Послание... 2005 г.

²⁸ Путин В.В. Послание... 2007 г.

²⁹ Путин В.В. Послание... 2005 г.

³⁰ Путин В.В. Послание... 2000 г.; Путин В.В. Послание... 2006 г.

³¹ Там же.

³² Путин В.В. Послание... 2000 г.

нозначительности было возможно только за счет перехода в другую ценностную шкалу, где именно то, чем Мы отличаемся от Другого, является преимуществом³³. Инновация, заявленная Путиным, заключалась в попытке соединить казалось бы несоединимое: приверженность идеалам, декларируемым «сообществом самых развитых государств», и «самобытность» России, дающую ей основание идти к осуществлению этих идеалов собственным путем и оценивать успехи по шкале, выбранной ею самой, а не навязанной извне. Очевидно, что успех новой модели идентичности зависит не только от преодоления инерции коллективных автостереотипов, но и от степени адекватности заявляемых постулатов реальным политическим практикам.

Тема «самостоятельности» России на пути к демократии, свободе и справедливости получила развитие в послании 2005 г.³⁴. Сформулированный в нем тезис о «суверенности» российской демократии («Россия – это страна, которая выбрала для себя демократию волей собственного народа»³⁵), был очевидным образом использован для легитимации «особенностей» отечественного транзита и в частности – проводимых Путиным политических реформ («как суверенная страна Россия способна и будет самостоятельно определять для себя и сроки, и условия движения по этому пути»³⁶). В то же время этот тезис утверждал демократию как «Нашу собственную», а не навязанную извне цель. Таким образом, он был направлен, с одной стороны, против интерпретации результатов холодной войны как победы «демократии»/Запада и поражения «тоталитаризма»/СССР/России, а с другой – оспаривал представление о том, что авторитарность власти является неотъемлемой чертой отечественной культуры. Чтобы обосновать представление о России как о «суверенной» стране, разделяющей идеалы «сообщества самых развитых государств» и способной самостоятельно и «по-своему» их развивать, необходимо было показать, что «демократия» является «органической» для России ценностью.

---

³³ Подробнее о разных вариантах использования стратегии «замещения координат» см.: Малинова О.Ю. Образы «Запада» и модели русской идентичности... С.49-50. Заметим, что альтернативная ценностная шкала должна быть значима и для Другого; для славянофилов общей с «Западом» системой ценностей было христианство. В случае с «демократией» происходит «присвоение» идеала, который прежде рассматривался как эксклюзивная характеристика Другого.

³⁴ В.Третьяков не случайно усмотрел в этом послании контуры «политической философии В.Путина», причем статью, опубликованную в «Российской газете» 28 апреля 2005 г. озаглавил «Суверенная демократия» (Третьяков В.Т. Суверенная демократия. О политической философии Владимира Путина // PRO суверенную демократию. С.7-8): в текст путинского послания несомненно были заложены основные тезисы доктрины, позже развернутой В.Сурковым и др. идеологами.

³⁵ Путин В.В. Послание... 2005 г.

³⁶ Там же.

Главным аргументом здесь является момент «выбора», связанный с оценкой опыта 1990-х гг.³⁷ Следует заметить, что внутренняя политика второго президента России с самого начала репрезентировалась по принципу контраста с ельцинским периодом: ее фирменным знаком стало «укрепление государства», ослабленного, если не «разваленного» в 1990-х гг. в результате преобразований, проходивших под знаком «демократизации». В текстах путинских выступлений, в том числе – в его ежегодных посланиях можно обнаружить немало критических замечаний о практиках 1990-х гг.³⁸ Вместе с тем, второй президент России подчеркивал и преемственность своего курса, прежде всего – в смысле приверженности сделанному в 1990-х гг. «демократическому выбору». Особенно настойчиво эта мысль звучит в посланиях периода второго правления Путина. В 2005 г., формулируя принцип «суверенной демократии», он прямо полемизировал с теми, кто полагает, что «наша молодая демократия является не продолжением российской государственности, а ее окончательным крахом»³⁹. В 2007 г., как бы подводя черту, Путин констатировал, что несмотря на все проблемы и неудачи 1990-х гг. «именно в этот непростой период был заложен фундамент будущих перемен»⁴⁰. Таким образом, и в вопросах оценки новейшей российской истории Путин и идеологи его администрации стремятся придерживаться «срединной линии», удовлетворяющей в какой-то мере чаяниям сторонников противоположных концепций, но не совпадающей ни с одной из них.

Стремление отойти от метафоры *ученичества* и представить Россию как «равного» члена «сообщества самых развитых государств», реализуется и в попытках показать, что Мы не только разделяем принятые в этом сообществе ценности, но и *сами можем служить образцом* их воплощения. Эта тема неоднократно возникала в выступлениях Путина. В послании 2002 г. он ставил перед Россией задачу «не просто соответствовать лучшим образцам в мире», а самой их создавать, рассматривая такую способность как свидетельство принадлежности к чис-

---

³⁷ А также – ссылки на определенные страницы истории, прежде всего – на героическую борьбу советского народа «против нацизма с его идеологией варварства, столь противоположной всему тому, что составляло идеалы европейской цивилизации» (Путин В.В. Полвека европейской интеграции и Россия (25 марта 2007 г.). // http://www.kremlin.ru/appears/2007/03/25/1121_type63382_120736.shtml). Еще одно подтверждение приверженности общим ценностям – цитаты из трудов русских мыслителей, систематически включаемые в тексты выступлений президента России.

³⁸ В 2001 г. Путин косвенно критиковал прежнее правительство за не вполне «цивилизованный» подход к проблеме внешнего долга (Путин В.В. Послание... 2001 г.), в 2002 г. – за «иллюзии» по поводу того, что «окончание периода военно-политической конфронтации чуть ли не автоматически откроет России путь в мировую экономическую систему (Путин В.В. Послание... 2002 г.), в 2003 г. говорил о необходимости «восстановления» ослабленной в 1990-х гг. государственности (Путин В.В. Послание... 2003 г.), в 2006 г. отмечал, что ни власть, ни бизнес не оправдали надежд, которые миллионы людей связывали с переменами 1990-х гг. (Путин В.В. Послание... 2006 г.) и др.

³⁹ Путин В.В. Послание... 2005 г.

⁴⁰ Путин В.В. Послание... 2007 г.

лу «богатых и сильных»⁴¹. В 2003 г. Путин подчеркивал значение опыта России как «одной из первых стран, столкнувшихся с масштабной угрозой международного терроризма» для создания антитеррористической коалиции⁴². В послании 2005 г., президент подчеркивал, что «Россия была, есть и, конечно, будет крупнейшей европейской нацией», в подтверждение чему приводил целый перечень общих достижений, заключая: «все это мы делали вместе, в чем-то отставая, а в чем-то иногда опережая европейские стандарты» (анализируя этот перечень, можно предположить, что «опережение европейских стандартов» связано главным образом с советскими «завоеваниями» в области прав человека, прежде всего – социальных, поскольку «реформы Просвещения», «становление парламентаризма, муниципальной и судебной власти» и другие отмеченные Путиным «общие» успехи в эту категорию явно не вписываются)⁴³. Наконец, в 2007 г. Путин напоминал в своем послании об «огромном вкладе», который Россия внесла «в становление общеевропейской и мировой культуры»⁴⁴. Отметим и еще одну заслугу в деле продвижения общих ценностей, которая неоднократно подчеркивалась в выступлениях Путина перед зарубежной аудиторией: «выбор народа России на рубеже 90-х годов XX века не просто расширил пространство свободы на континенте, но фактически определил пути дальнейшей европейской интеграции»⁴⁵. В докладе на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности 10 февраля 2007 г. президент России представлял этот опыт как пример успешной и *мирной* борьбы с «авторитарными режимами», на котором стоит учиться сторонникам концепции однополярного мира (для того, чтобы бороться с «действиями авторитарных режимов» и «распространением оружия массового поражения», не обязательно «бомбить и стрелять»)⁴⁶.

Таким образом, Путин и его спичрайтеры стремятся представить Россию и как *подобную* Значимому Другому (актуально или потенциально – в зависимости от критерия оценки), и как *отличающуюся* от Него (*своим путем* идущую к осуществлению *общих* целей). Стремясь отойти от метафоры *ученичества*, они подчеркивают *равенство статуса* России в «сообществе самых развитых государств», в том числе – и ее способность служить *образцом* (как в прошлом, так и в настоящем).

---

⁴¹ Путин В.В. Послание... 2002 г.

⁴² Путин В.В. Послание... 2003 г.

⁴³ Путин В.В. Послание... 2005 г.

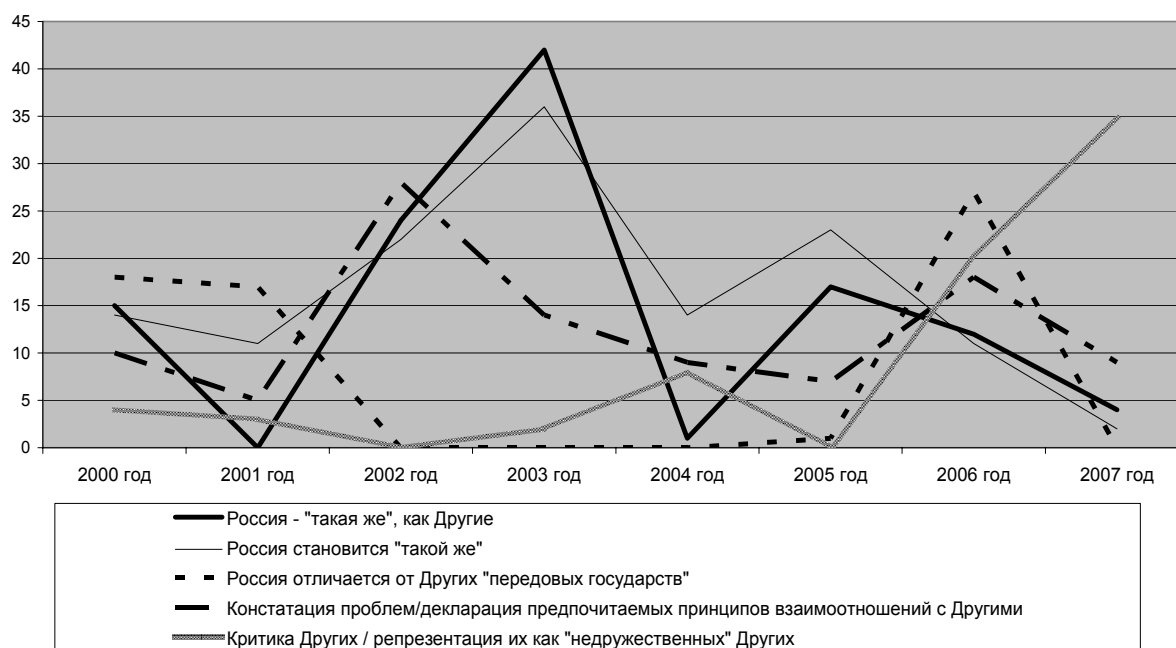
⁴⁴ Путин В.В. Послание... 2007 г.

⁴⁵ Путин В.В. Полвека европейской интеграции и Россия.

⁴⁶ Путин В.В. Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции... Тема России как образца воплощения демократических идеалов, который Запад не вполне бескорыстно недооценивает, настойчиво развивается в текстах В.Суркова о «суверенной демократии» (особенно см.: Сурков В.Ю. Русская политическая культура. Взгляд из утопии. Стенограмма лекции Заместителя Руководителя Администрации Президента, прочитанной 8 июня 2007 г. в здании Президиума РАН // <http://edinros.ru/news.html?id=121320>).

Выделенные нами способы репрезентации Нас и Других в той или иной мере присутствуют во всех посланиях Путина Федеральному Собранию, однако соотношение между ними менялось. Динамику репрезентации образов России и Запада можно проследить с помощью контент-анализа президентских посланий. Напомним, что мы подсчитывали количество элементарных высказываний, составляющих фрагменты текста, которые могут интерпретироваться как утверждение подобия России «самым развитым странам» (актуального или потенциального), как констатация ее отличий от них, а также как прямая или косвенная критика Значимого Другого (см. рис. 1).

Рис. 1. Репрезентация образов России и Запада в посланиях президента В.В.Путина Федеральному Собранию РФ, 2000-2007 гг. (результаты контент-анализа)

Россией и ее Значимым Другим. Эта тема возникает преимущественно в контексте постановки задач экономического развития⁴⁷. Вместе с тем, во всех президентских посланиях 2000-2007 гг. подчеркивались факты, свидетельствующие, что Россия в определенных отношениях *становится подобной/равной* странам «Запада». При этом число высказываний, утверждающих *актуальное подобие/равенство* России «самым передовым и развитым странам», в посланиях разных лет колеблется, коррелируя с количеством фрагментов, содержащих критику Другого.

⁴⁷ Наиболее резко – в посланиях 2000-2001 гг., где говорилось об опасности увеличения разрыва «между передовыми государствами и Россией», который «толкает нас в страны третьего мира» (Путин В.В. Послание... 2000 г.), а также в 2006 г., в контексте обоснования необходимости структурных реформ (Путин В.В. Послание... 2006 г.).

Высказывания, констатирующие трудности во взаимоотношениях и декларацию предпочитаемых Нами принципов выстраивания последних, в целом преобладали в посланиях Путина над фразами, содержащими прямую критику в адрес Другого (это соотношение впервые оказалось нарушено в 2007 г.). Весьма характерно, что послания 2002 и 2003 гг., в которых отразились ожидания, возникшие на волне тесного сотрудничества со странами НАТО в рамках антитеррористической коалиции, уделяли максимальное внимание теме актуального подobia/равенства (соответственно, 24 и 42 элементарных высказывания⁴⁸) и практически не содержали прямой критики «Запада». Таковая заметно нарастает, начиная с послания 2004 г., в котором отразились опасения, вызванные «цветными» революциями на постсоветском пространстве⁴⁹. Вместе с тем, в послании 2005 г., акцентировавшем принцип «суверенности» российской демократии, прямая критика «Запада» была сведена к минимуму, зато количество высказываний, констатирующих актуальное и потенциальное подобие/равенство оказалось достаточно значительным (соответственно, 17 и 23). Но в 2006-2007 гг. «критические» нотки заметно усиливаются, а количество высказываний о подобии/равенстве оказывается минимальным.

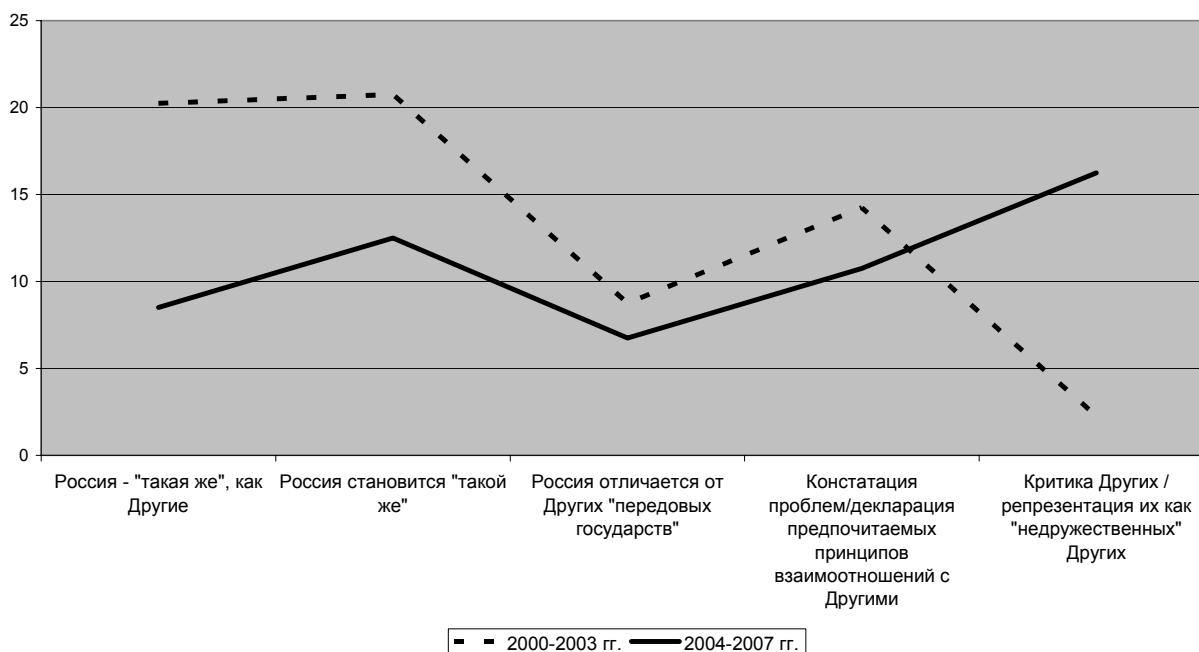
Вполне определенная динамика репрезентации образов России и Запада прослеживается и при сравнении среднего количества высказываний каждой из выделенных нами категорий в посланиях двух четырехлетних сроков президентства Путина (см. рис. 2).

---

⁴⁸ Этот «пик» в динамике репрезентации России как подобной/равной был связан с констатацией успехов на пути интеграции в «наиболее развитых государств мира», прежде всего – с приглашением стать полноправным членом «восьмерки».

⁴⁹ Подчеркивая, что «далеко не всем в мире хочется иметь дело с самостоятельной, сильной и уверенной в себе Россией», Путин приписывал враждебные намерения если не «сильным и развитым государствам», то «влиятельным зарубежным фондам», финансирующим НКО, которые вовсе не «ориентированы на отстаивание реальных интересов людей» (Путин В.В. Послание... 2004 г.).

Рис. 2. Динамика репрезентации образов России и Запада в посланиях президента В.В.Путина Федеральному Собранию РФ, 2000-2003 гг. и 2004-2007 гг. (результаты контент-анализа)

Очевидно, что в посланиях первого президентского срока Путина доля высказываний, указывающих на актуальное или потенциальное подобие/равенство, была заметно выше, чем доля критических высказываний, а косвенная критика преобладала над прямой. В посланиях же второго срока в среднем меньше говорилось о подобии/равенстве, но заметно усилились критические мотивы. Разумеется, было бы неправильно на основе анализа президентских посланий делать выводы о том, как менялась репрезентация образов Нас и Других в риторике Путина вообще. Однако с учетом программного характера данных текстов мы можем констатировать определенные тенденции в расстановке акцентов.

Как мы попытались показать, способ позиционирования России по отношению к «Западу», реализованный в президентских посланиях Путина, отличается и от «западнических», и от «антизападнических» моделей, которые на протяжении почти двух столетий доминировали в российском дискурсе о коллективной самоидентификации. Предлагаемая новая модель сочетает «западническое» представление об *общности целей и ценностей* России и «Запада» с «почвенническим» акцентом на *самобытный* способ их реализации, пытается представить Россию как *актуально* (а не только потенциально) *подобную* и *равную* Значимому Другому и даже способную служить ему образцом в осуществлении *общих* ценностей. Весьма существенно и то, что в программных выступлениях Путина Другой лишен географической привязки и описывается через конкретные и отнюдь не эксклюзивные признаки. Вместо «полюсов» возникает континуум, по которому можно перемещаться, акцентируя то сходство, то различия. В последующих разделах статьи мы попытаемся оценить, как эти новые подходы к кол-

лективному самопозиционированию отражаются в элитарном политическом дискурсе и в какой мере они соответствуют массовым настроениям.

Образы России и «Запада» в дискуссиях «про суверенную демократию»

Попытки переопределения коллективной идентичности, предпринятые властью в лице Путина, не отменяют противостояния полюсов «западничества» и «антизападничества». За долгую историю споров о цивилизационной принадлежности России предпринималось множество попыток примирить противоположные концепции. Однако в логике данного дискурса высказывания в духе «золотой середины» интерпретируются сквозь призму бинарной оппозиции: объектами согласия или возражений становятся смыслы, значимые для того или иного полюса. Именно так комментировались выступления Путина. Решительность, с которой он после событий 11 сентября 2001 г. заявил о солидарности с «развитыми и демократическими странами», укрепила надежды либералов-«западников» на интеграцию России «в Европу». При этом желанная перспектива описывалась в традиционной «западнической» логике, согласно которой России еще только предстоит стать «такой же», как ее Значимый Другой, сократив количественные различия в уровнях развития⁵⁰. Высказывания же Путина, подчеркивающие *самостоятельность* России по отношению к «Западу», стимулируют энтузиазм «антизападников», приветствующих укрепление державности и приверженность самобытному пути⁵¹. Таким образом, противостояние полюсов сохраняется, и то обстоятельство, что модель коллективной идентичности, продвигаемая действующей российской властью, оказывается созвучной и «западниче-

---

⁵⁰ По оценке В.Рыжкова, «существующие глубокие разрывы между современной Россией и Европой – это разрывы не между российской и европейской цивилизациями, а разрывы от пострадавшей от долгой изоляции страной и европейскими достижениями XX в.» (Рыжков В. К прогрессу не бывает особых путей // Независимая газета. 4 декабря 2001 г. С.9). Это мнение разделил и В.Шейнис: «Если прав Гегель, утверждая, что «всемирная история есть прогресс в познании свободы», то именно путь европейских обществ определяет вектор современной мировой цивилизации, – писал он. – Поэтому национальные интересы России в первую очередь заключаются в скорейшем выстраивании ее социальной жизни в соответствии с инвариантными чертами европейских обществ» (Шейнис В. Национальные интересы России. Полудемократическая страна может быть только полусоюзником Запада // Независимая газета. 18 декабря 2001 г. С.2). Поддерживая линию Путина на сближение с Европой и США, представители либерально-«западнического» лагеря выражали озабоченность тем, что она не встречает единодушной поддержки политического класса (см.: Янов А. Как остановить российский «маятник» // Независимая газета. 13 марта 2002 г. С.11).

⁵¹ Так, А.Дугин послание 2005 г. оценил как знак возвращения «евразийского, патриотического Путина, который... является источником позитивных ожиданий нации» (Мобилизационное послание. Тезисы выступления лидера партии «Евразия» А.Дугина на пресс-конференции в газете «Комсомольская Правда» по поводу оценки Послания Президента В.В.Путина // <http://evrazia.info/modules.php?name=News&file=article&sid=1220>). С.Г.Кара-Мурза интерпретировал послание 2006 г. как «сигнал, что должен кончиться в России морок гуманитарного низкопоклонства перед Западом...». Выступление Путина, с его точки зрения, свидетельствует, что «с идеологией «возвращения в лоно цивилизации» в России покончено. Задача «Догнать и прицепиться!» снята» (Кара-Мурза С.Г. Что же сказал Путин? // <http://contrtv.ru/print/1782>) и др.

ству», и «антизападничеству», позволяет обоим лагерям с теми или иными оговорками записывать Путина в свои союзники.

Не ставя задачей анализ всех сегментов российского политического дискурса, сосредоточим внимание на освоении новых формул соотнесения с «Западом», выявленных в текстах второго президента России, пропутинской частью российского политического класса. Идеи, отмеченные в первом разделе данной статьи, играют важную роль в идеологии правящей элиты, разработке которой стало уделяться особенно пристальное внимание с 2005 г. В многочисленных текстах, вышедших из-под перьев заместителя руководителя Администрации Президента В.Ю.Суркова, его соратников и оппонентов, выделенные нами аспекты образов Нас и Других не только более обстоятельно развиваются, но и по-разному интерпретируются.

Тезис об *актуальном подобии/равенстве* Значимому Другому активно используется для обоснования доктрины «суверенной демократии». В.Сурков настойчиво подчеркивает, что Россия – «соавтор и соактор европейской цивилизации»⁵², что мы разделяем одни и те же ценности, что «мы в целом проходили тот же путь, что и другие европейские страны» и «не должны считать себя какими-то изгоями, у которых не получается то, что получается у других»⁵³. Подобно западникам 40-х гг. XIX в. Сурков предлагает рассматривать культурную дистанцию между Россией и Европой как соразмерную различиям между отдельными европейскими странами («Конечно, российская версия европейской культуры специфична, – подчеркивает он, – но она не более специфична, чем германская, французская или британская версия»⁵⁴).

Однако не все сторонники доктрины «суверенной демократии», не говоря уже о ее оппонентах, оказались готовы согласиться с таким вариантом цивилизационной самоидентификации. Например, Ю.М.Лужков в полемической статье «Мы и Запад» выводит несколько другую формулу отношений России и Европы: «Мы рядом и мы вместе, но мы не есть одно и то же». Мэр Москвы цитирует Н.Данилевского и И.Ильина и рассуждает о неизбежности непонимания между

---

⁵² Сурков В.Ю. Национализация будущего [параграфы про суверенную демократию] // Суверенная демократия. От идеи к доктрине. М.: Европа, 2006. С.38.

⁵³ По утверждению В.Суркова, «абсолютизм в России достиг своего апогея примерно в то же время, что и во Франции», «торговлю людьми Россия отменила и запретила даже раньше, чем это сделали Соединенные Штаты Америки», «парламентаризм у нас тоже не намного младше, чем в других странах» и, создавая в XX в. «довольно странное тоталитарное государство», мы не были одиноки (Сурков В.Ю. Суверенитет – это политический синоним конкурентоспособности. Стенограмма выступления Заместителя Руководителя Администрации Президента перед слушателями Центра партийной учебы и подготовки кадров ВПП «Единая Россия» 7 февраля 2006 г. // PRO суверенную демократию. С.35).

⁵⁴ Наша российская модель демократии называется «суверенной демократией» // <http://www.edinros.ru/news.html?id=114108>. Размещено 28.06.06. Ср.: Малинова О.Ю. Образы «Запада» и модели русской идентичности... С.52.

Нами и Нашим Значимым Другим⁵⁵. А его коллега и соратник по партии М.Шаймиев напоминает о «ярко выраженных евразийских истоках» и «фундаментальных отличиях современной Российской Федерации от большинства стран Европы», связанных с поликонфессиональностью и многоэтничностью первой («Будучи европейской страной Россия содержит в себе мусульманский компонент», – подчеркивает президент Татарстана⁵⁶). Тем более предложенная Сурковым интерпретация неприемлема для «тактических союзников» из патриотического лагеря⁵⁷: по мнению публициста «Советской России» С.Батчикова, «сейчас, «на поминках по Просвещению», евроцентризм выглядит просто анахронизмом», и кости Бердяева и Ивана Ильина, которых Сурков цитирует, «возмущенно стучат в гробу». Пути России и Европы – несомненно разные. «Никогда Запад в цивилизационном смысле не считал Россию Европой, – подчеркивает Батчиков, – он ее ненавидел или уважал как особую самобытную цивилизацию – Евразию»⁵⁸.

Весьма примечательно, что даже у политиков и публицистов, поддержавших идеи «суверенной демократии», возникла потребность поправить Суркова в вопросе о цивилизационной самоидентификации. Обсуждение темы России и «Запада» опирается на исторически сложившийся репертуар смыслов, в котором обнаруживаются прочные ассоциативные связи, имеющие ценностную окраску и плохо поддающиеся переопределению. Новаторский тезис об актуальном подоби «Западу» конфликтует с привычными конструкциями, определяющими доминирующие способы восприятия Нас и Других. Кроме того, российский дискурс о коллективной идентичности не вполне автономен: он чутко реагирует на динамику репрезентации России «Западом», которая, в свою очередь, нередко определяется «внутренними» проблемами нашего Значимого Другого. По словам М.Малиа, «было бы иллюзией полагать, что отношение Запада к России всегда представляло собой рациональную реакцию на реальные конфликты интересов или что периодические приступы русофобии всегда были вызваны объективной угрозой со стороны русских властей. Напротив, Запад часто беспокоился со-

---

⁵⁵ Лужков Ю.М. Мы и Запад // PRO суверенную демократию. С.196. Статья была опубликована в «Российской газете» 15 июня 2006 г.; ее можно рассматривать как развитие дискуссии о «суверенной демократии», начатой в феврале 2006 г. выступлением В.Ю.Суркова на партийной школе «Единой России».

⁵⁶ Шаймиев М. Указ. соч. С.295-296.

⁵⁷ Необходимо отметить, что доктрина «суверенной демократии» вызвала в целом положительные отклики представителей этого лагеря. По словам главного редактора газеты «Завтра» А.Проханова, «патриотическая оппозиция, потерпев политическое фиаско, тем не менее победила на более высоком, идейном и смысловом уровне. Теперь... можно сказать, что власть выражает себя в наших, имперских патриотических терминах» (Проханов А. Февральские тезисы. Сурков между Ильиным и Бродским // PRO суверенную демократию. С.86). Того же мнения придерживается С.Глазьев: «Сурков провозглашает истины, которые многие годы доказывали лучшие представители народно-патриотической оппозиции» (Глазьев С. Приватизация настоящего. Размышления по поводу статей Владислава Суркова о суверенной демократии // PRO суверенную демократию. С.498).

⁵⁸ Батчиков С. Содом и Гоморра // PRO суверенную демократию. С.107-108.

всем не тогда, когда Россия давала особые поводы для беспокойства, и успокаивался тогда, когда в действительности не было поводов для спокойствия»⁵⁹. Неудивительно, что такое отношение Значимого Другого в России воспринимается как «несправедливое».

Впрочем, доктрина «суверенной демократии» предполагает весьма специфический способ «присвоения» ценностей, с которыми «Запад» связывает собственную идентичность. С одной стороны, Сурков пытается доказать, что «мы ничем не лучше и не хуже других» (Европа тоже имела опыт авторитаризма и тоталитаризма), а с другой – подчеркивает, что демократия – это Наш Собственный выбор («...Россия приведена к демократии не «поражением в холодной войне», но самой европейской природой ее культуры»⁶⁰). Последнее утверждение обосновывается с помощью специфической интерпретации новейшей истории. В изображении Суркова СССР – это «модернизационный крупнейший проект», который «уже нес в себе зачатки демократии», однако оказался не вполне удачным⁶¹. Выбор 1990-х гг. в этой логике представляется «возвращением к демократическим ценностям», «подробно прописанным» в советской конституции⁶². Не вдаваясь в обсуждение вопроса о правдоподобности такой трактовки, отметим, что она явно расходится не только с популярной в начале 1990-х гг. интерпретацией перестройки как «возвращения на столбовую дорогу цивилизации», но и с нарративами русской истории, доминирующими на Западе. Парадоксальным образом концепция «суверенной демократии» опирается на официальную советскую идеологию (в части «модернизационного проекта» и «социалистической демократии»), однако акцентирует не отличия от Значимого Другого (определявшиеся в терминах общественного строя), а сходство исторического опыта и исповедуемых ныне ценностей. Но «социалистическая демократия» не вполне тождественна тому, что вкладывает в понятие демократии «Запад», поэтому аргумент Суркова о «возвращении к демократическим ценностям» может восприниматься как доказательство не столько *подобия*, сколько *отличия*.

Подчеркивая необходимость уважительного отношения к советскому опыту, главный кремлевский идеолог считает нужным дистанцироваться от практики 1990-х гг. («вместо того, чтобы двигаться к демократии, мы получили то, что

---

⁵⁹ Malia M. *Russia under Western Eyes: From the Bronze Horseman to the Lenin Mausoleum*. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1999. P. 7-8; ср. Neumann I. *Op. cit.* Ch. 3.

⁶⁰ Сурков В.Ю. Национализация будущего. С.30, сн.

⁶¹ Сурков отмечает два «крупнейших достижения» СССР: «мощную идеологическую работу... в планетарном масштабе» и индустриализацию (Сурков В.Ю. Суверенитет – это политический синоним конкурентоспособности. С.35-37). «Идеологическая работа» СССР, видимо, действительно служит для главного идеолога администрации Путина источником вдохновения: в его текстах прослеживается множество аллюзий со сталинскими речами времен индустриализации (включая тезис об усилении идеологической борьбы «по мере развития демократических институтов») (Там же. С.34; ср. Батчиков С. Указ. соч. С.97-99).

⁶² Сурков В.Ю. Суверенитет – это политический синоним конкурентоспособности. С.37.

справедливо названо олигархией»⁶³). Впрочем, 90-е годы, по мысли Суркова, не следует «считать потерянными для России», ибо «пусть даже в таких извращенных... условиях, но осваивались новые социальные практики», а главное – складывался «материал для формирования нового ведущего слоя нации»⁶⁴). Однако «все основные идеи демократии были искажены» и вопреки тем, кто нас «сегодня учит демократии и рассказывает, что она куда-то сворачивается», именно Путин «возвращает реальный смысл слова «демократия» всем демократическим институтам»⁶⁵. Таким образом, в телеологии Суркова политические реформы Путина представляются как «прорыв» на пути демократизации России, усиливающий степень ее общности со Значимым Другим.

Нужно признать, что правящая часть политического класса более или менее единодушно разделяет критическую оценку демократического опыта 1990-х⁶⁶, однако характеристики путинского режима, обнаруживаемые в ее дискурсе, скорее акцентируют отличия России от «Запада», чем подтверждают сурковский тезис об «общем пути» с Европой. Лидеры и идеологи «Единой России» настойчиво доказывают, что политический режим начала 2000-х гг. соответствует отечественным политическим традициям (и именно поэтому отличается от западных стандартов). По словам Ю.М.Лужкова, «России нужна была политика увязывания между собой традиционных ценностей, без которых общество перестанет существовать, с демократией, без которой общество не сможет развиваться. Именно такая политика и проводится в России сегодня...»⁶⁷.

В июне 2006 г., спустя несколько месяцев после первой презентации Сурковым концепции «суверенной демократии», «Единая Россия» и издательство «Европа» при участии РГГУ провели в Москве месячную акцию «Дни русской по-

---

⁶³ Там же. С.38.

⁶⁴ Там же. С.42.

⁶⁵ Там же. С.39, 42. Предложенная Сурковым интерпретация демократии весьма специфична. Ее анализ см. Казанцев А.А. «Суверенная демократия» в современной России: структура концепта и идеологемы // Публичное пространство, гражданское общество и власть: Опыт развития и взаимодействия. М.: РАПН, РОССПЭН, 2008. С.394-406, в электронной форме: <http://www1.ku-eichstaett.de/ZIMOS/forum/docs/5Kazancev.pdf>.

⁶⁶ Предложенная Сурковым дихотомия «олигархической» (по Ю.М.Лужкову – «дефективной», по С.Маркову – «плохой»), «под чужим контролем и по чужим моделям») демократии 1990-х и «хорошей» демократии при Путине разделяется не только единороссами (см. Лужков Ю.М. Указ. соч. С.202; Суверенное государство в условиях глобализации: демократия и национальная идентичность. Круглый стол в «Российской газете» // PRO суверенную демократию. С.266), но и многими «патриотами» (правда, в рядах последних не все согласны с тем, что «олигархическая демократия» уже осталась в прошлом (ср. Батчиков С. Указ. соч. С.103-105). Причем упор делается то на «олигархический», то на недостаточно «суверенный» характер ельцинского режима. Тему «несуверенности» любят развивать идеологи «Единой России». Например, по оценке А.Исаева, главная причина нелегитимности реформ 1990-х гг. – в том, что «они были восприняты как десоверенизация России, лишение ее самостоятельной государственной роли» (Исаев А. «Единая Россия» – партия русской политической культуры. М.: Издательство «Европа», 2006. С.21).

⁶⁷ Лужков Ю.М. Указ. соч. 201-202.

литической культуры»⁶⁸, которая широко освещалась СМИ. В рамках акции с публичными лекциями выступили известные политики, деятели культуры, представители церкви и журналисты, поделившиеся своими представлениями о специфике российской модели демократии. Характерными чертами отечественной политической традиции признавались «соборность», «идеал единства народа и власти», представление о государстве как об «абсолютной ценности», «наличие ясно обозначенного лидера», соперничество «тоталитарной, авторитарной и демократической» составляющих и др.⁶⁹ Участники акции стремились доказать, что политика Путина в полной мере соответствует этим принципам, а «ЕР» следует считать единственной «партией русской политической культуры»⁷⁰.

Годом позже эта тема была развита в выступлении В.Суркова в стенах Президиума РАН. Как и в путинских текстах 2007 г., в этой лекции акценты смещены в сторону более критической репрезентации Значимого Другого и демонстрации различий. На этот раз заместитель руководителя кремлевской администрации подчеркивал специфику «русской версии европейской цивилизации» и рассуждал, как следует использовать «генетическую формулу национальной культуры» «для создания конкурентоспособной экономики и жизнеспособной демократии». Критически оценивая некоторые элементы отечественной политической культуры, Сурков утверждал, что она все же «располагает достаточным потенциалом для выработки российской демократической модели... И мы можем говорить о собственном опыте демократии своими словами». За этим тезисом следовал длинный пассаж о том, что нужно «с пониманием» относиться «к ворчанию и окрикам из-за границы по поводу наших внутренних дел», ибо ясно, что «ворчащим и кричащим нужна такая демократия в нашей стране, чтобы им было лучше жить»⁷¹. Нетрудно догадаться, что именно «концепция суверенной демо-

---

⁶⁸ В текстах Путина и Суркова обычно используется прилагательное «русский», тогда как «Единая Россия» с 2006 г. развивает «русский проект». Выбор прилагательного преследует двойную цель: дистанцироваться от политики ельцинского периода и «национального нигилизма» «либералов-западников», и «реабилитировать» традиции имперского прошлого и культуры, за которой исторически закрепилось название «русская». По словам А.Исаева, «вернуть в официальную риторику российской власти и Российского государства слово «русский» – значит вернуться к исторической России» (Исаев А. Указ. соч. С.5). Видимо, в своей лекции про «русскую политическую культуру» Сурков отдает дань этой «исторической» составляющей, но подчеркивает и «параллелизм» терминов («Нам Бог велел быть русскими, россиянами» (Сурков В.Ю. Русская политическая культура)).

⁶⁹ Подробнее см. Малинова О.Ю. «Политическая культура» в российском научном и публичном дискурсе // Полис. 2006. №5. С.120-122.

⁷⁰ Исаев А. Указ. соч. С.22-23.

⁷¹ Сурков В.Ю. Русская политическая культура. Впрочем, Сурков отмечает подозрения, что это «беспрецедентное давление на Россию» обусловлено стремлением захватить «контроль над ее природными ресурсами»; но равно не готов признать объективность критики «недостатков нашей демократии». Цитируя Нойманна, он связывает изобретение «мифа о каком-то неблагонадежном звере на окраине» с потребностью в «консолидации Западной и Центральной Европы вокруг одного, кстати, внеевропейского центра» (Там же). Таким образом, «Запад»

кратии наилучшим образом соответствует основам русской политической культуры»⁷².

Таким образом, выделенная нами на примере анализа путинских посланий новая формула соотношения с «Западом», акцентирующая не только *потенциальное*, но и *актуальное подобие/равенство*, легко смещается в сторону одного из полюсов за счет реинтерпретации «общих» ценностей и переноса акцентов на *особенности* Нашего способа их воплощения. Но столь же легко совершается и переход в противоположном направлении: определив Россию и Запад как «однокоренные, но глубоко различные по духу европейские культуры», Сурков двумя абзацами ниже говорит о возможности и необходимости «сближения культур», «несовершенстве» российской демократии и о том, что нам «есть чему учиться у Запада»⁷³. Два полюса «долгого дискурса» о коллективной самоидентификации оказались объединены в одном континууме⁷⁴, по которому можно перемещаться, акцентируя то общие ценности, то культурные различия. Однако в дискурсе правящей части политического класса тема различий заметно превалирует, в силу чего несмотря на демонстративное стремление Путина и его спичрайтеров отойти от принципа бинарной оппозиции, многие наблюдатели отмечают усиление «антизападнических» тенденций в российской политике.

«Примирение» соперничающих подходов достигается не только с помощью переопределения смыслов (как в случае с «социалистической» и «буржуазной» демократией), но и за счет вольного обращения с традицией. Например, общими ценностями европейской и российской цивилизации Сурков называет «материальный успех, свободу и справедливость»⁷⁵. Если два последних звена этой триады еще как-то можно увязать с утвердившимися коллективными автостереотипами⁷⁶, то «материальный успех» явно не вписывается в каноны русской общественной мысли. Со времен славянофилов стремление к материальному успеху рассматривалось как негативная черта европейской цивилизации; России же приписывалось противоположное качество – способность жертвовать материаль-

---

представляется здесь не столько Врагом, сколько Неискренним Партнером, коварно прикрывающим разговорами о демократии собственные корыстные интересы.

⁷² Там же.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Видимо, это сознательный прием: Сурков относит к числу достоинств своего «суверен-демократического проекта» то, что он «синтезирует, собирает, соединяет идеи и понятия, противопоставляемые в повседневных политических диспутах» (Там же).

⁷⁵ Сурков В.Ю. Суверенитет – это политический синоним конкурентоспособности. С.33. Министр обороны С.Иванов предложил другой вариант: суверенная демократия, сильная экономика, военная мощь (Иванов С. Триада национальных ценностей // PRO суверенную демократию. С.211).

⁷⁶ Хотя и здесь возможны сомнения. С.Батчиков, например, обращает внимание на отсутствие в тексте Суркова слова «равенство» и заключает, что «речь идет о свободе и справедливости «сильных»» (Батчиков С. Указ. соч. С.108-109), а М.Шаймиев отмечает специфику понимания свободы в России (Шаймиев М. Указ. соч. С.298-299).

ным во имя духовного⁷⁷. Налицо весьма произвольное «изобретение» традиции. Примечательна однако не критика триады Суркова, а то, каким образом сторонники его концепции пытаются оправдать предложенную им «инновацию». По мнению автора книги «Третья империя» М.Юрьева, власть «не готова предлагать стране традиционные ценности нашей цивилизации», потому что помнит опыт 1990-х гг., когда народ «отказался от своей Империи именно в погоне за миражами пива, джинсов, стриптиза и прочей мишуры западной жизни». И Юрьев в целом соглашается, что «традиционные ценности» можно и отложить до той поры, когда «будет материальный достаток, общественные свободы и справедливость лучше, чем у других»⁷⁸.

Наряду с прагматическими аргументами выдвигаются и концептуальные. В своем выступлении на XI Всемирном Русском Народном Соборе митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл, весьма сочувственно отозвавшись об идее суверенной демократии, доказывал, что в православии аскетическая традиция, утверждающая приоритет духовных ценностей над материальными, «уживается, идя рука об руку, с другой мощной традицией – бережного и благодарного отношения к богатству, которое дает возможность совершать добрые дела»⁷⁹. Иными словами, ориентация на «материальный успех» в известном смысле не противоречит православным традициям.

На наш взгляд, эти попытки оправдать новое прочтение триады, с одной стороны, являются данью реальности общества массового потребления, а с другой – сигнализируют о разрывах культурной традиции. Как ни парадоксально, именно эти разрывы, обусловленные исключением из духовного опыта ныне живущих поколений целых пластов культурного наследия, открывают определенный простор для конструктивистских технологий. Вместе с тем, как мы попытаемся показать в заключительном разделе статьи, их возможности не беспредельны.

Если применительно к внутренней политике России идеология правящей части политического класса стремится легитимировать самобытность и «суверенность» отечественного демократического проекта, то внешнеполитическая ее составляющая связана с критикой формирующегося мирового порядка. Новая миссия России видится в «содействии выработке справедливых правил глобализа-

---

⁷⁷ Этот автостереотип и сейчас воспроизводится в дискурсе «антизападников». По определению А.Подберезкина, Русский Путь – это «приоритет иных, нематериальных ценностей, который всегда был присущ русскому обществу» (Подберезкин А. Русский путь: сделай шаг (некоторые вопросы русского коммунизма) // Обозреватель – Observer. 1998, №3. С.103). В интерпретации Н.Нарочницкой, «отрицание Западом пути России связано с разным отношением к сути христианства – преодолению искушения хлебом и властью и заповедям Блаженств...» (Нарочницкая Н.А. Россия и русские в мировой истории. – М.: Междунар. отношения, 2003. С.20) и др.

⁷⁸ Юрьев М. Две логики в российской политике // ПРО суверенную демократию. С.157-158.

⁷⁹ Митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл. Богатство и бедность: исторические вызовы России Стенограмма выступления на XI Всемирном Русском народном соборе // ПРО суверенную демократию. С.513, 507.

ции»⁸⁰, «создании более справедливых правил игры в мире, обеспечении его развития и устойчивости»⁸¹, упрочении демократических принципов в международных отношениях⁸². Эта «принципиальность» вполне прагматична; она вписывается в то, что американский политолог Р.Кейган назвал «психологией слабости»⁸³. Нужно отметить, что идея порядка, опирающегося на международное право, является важной составляющей европейского проекта, и в этом смысле декларации об общности ценностей если не с совокупным «Западом», то по крайней мере со Старым Светом, приобретают некоторое основание. Правда, декларации приверженности принципам международного права не снимают проблемы различий их интерпретации.

Анализ дискуссий о «новой российской идеологии» показывает, что способы соотнесения со Значимым Другим, выявленные нами в программных выступлениях В.В.Путина, с большим или меньшим успехом осваиваются правящей частью российского политического класса. Однако в процессе интерпретации континуум сходств и различий легко трансформируется в традиционное соперничество полюсов «западничества» и «антизападничества». Поэтому, как это ни парадоксально, новая модель коллективной самоидентификации не отменяет старых – скорее, предлагает новые правила их сопряжения.

Переопределение коллективной идентичности и массовые настроения

Нам остается оценить, в какой мере новые интерпретации образов России и «Запада», обнаруженные в дискурсе власти, соответствуют восприятию рядовых граждан. Отчасти об этом позволяют судить результаты исследований, проводившихся различными социологическими центрами. Как и следовало предполагать, далеко не все «инновации», отразившиеся в элитарном дискурсе, находят соответствие в массовых настроениях.

Прежде всего, отнюдь не очевиден тезис об общности ценностей и идеалов России и «Запада». Как показал опрос, проведенный Фондом «Общественное мнение» в июне 2005 г., большинство респондентов (63 %) определяют различия между культурой и ценностями россиян и европейцев как «значительные», 21 % – как «незначительные» и лишь 5 % опрошенных полагают, что такие различия отсутствуют (число затруднившихся ответить составило 11 %). Любопытно, как

---

⁸⁰ Сурков В.Ю. Суверенитет – это политический синоним конкурентоспособности. С.50.

⁸¹ Лужков Ю.М. Указ. соч. С.205.

⁸² По Путину, «демократия – это, как известно, власть большинства при учете интересов и мнений меньшинства»; она диктует необходимость «поиска разумного баланса между интересами всех субъектов международного общения» (Путин В.В. Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции...).

⁸³ Согласно концепции Кейгана, более слабые страны «испокон веков» были заинтересованы «в искоренении грубых законов анархического гоббсовского мира, где сила служит основным условием национальной безопасности и благополучия». В XIX в. в таком положении были США, критиковавшие силовую политику Европы, но во второй половине XX в. роли изменились (Кейган Р. О силе и рае. Америка и Европа в новом мировом порядке. М.: РОССПЭН, 2004. С.40).

представление о существенности различий коррелирует с уровнем образования: доля ответивших «различаются значительно» – 76 % среди лиц с высшим образованием и 51 % среди лиц с образованием ниже среднего⁸⁴.

Не слишком правдоподобными представляются и попытки Путина и его спичрайтеров представить Россию в качестве образца воплощения общих ценностей, которому должен следовать «Запад». 17-18 февраля 2007 г., спустя неделю после выступления Путина на Мюнхенской конференции по вопросам безопасности, ФОМ попытался выяснить отношение россиян к высказанным им идеям. Эпизод, в котором Путин ставил «мирный переход к демократии в нашей стране» в пример тем, кто норовит «при каждом удобном случае бомбить и стрелять», показался респондентам наименее убедительным (по рейтингу согласия он набрал 1,23 пункта, по рейтингу доверия – 0,89; для сравнения рейтинги высказываний Путина об американской ПРО и российском ответе – 2,7 и 2,35, о расширении НАТО – 2,79 и 2,04). Участники опроса выражали сомнение и в том, что трансформация режима в России прошла мирно, и в том, что переход к демократии состоялся⁸⁵. По-видимому, в ситуации, когда большинство россиян не удовлетворены тем, как работают демократические институты в нашей стране⁸⁶, трудно ожидать всеобщей готовности рассматривать их в качестве образца для других стран. Судя по этим косвенным данным, дискурс об *актуальном подобии* Значимому Другому не встречает широкой поддержки (он воспринимается как декларация, слабо подкрепленная практикой).

По-видимому, гораздо больше шансов на успех имеют «почвеннические» элементы путинской модели, акцентирующие «самобытность» России. По данным опроса «Левада-центра», проведенного в декабре 2007 г., демократию как форму правления одобряют 67% респондентов; однако почти половина из них (47%) считает, что это должна быть «совершенно особая, соответствующая национальным традициям и специфике России» демократия. При этом 22% готовы обратиться к опыту развитых стран, а 10% — к опыту СССР⁸⁷. С учетом отмеченной динамики в сторону повышения «градуса» критики в отношении Значимого Другого, можно предположить, что «антизападническая» составляющая дискурса о

⁸⁴ Европейская интеграция и Россия. Опрос населения 09.06.2005. База данных Фонда «Общественное мнение». // http://bd.fom.ru/report/cat/inter_pol/_west_rel/eurosoc/dd052332.

⁸⁵ Выступление В.Путина на Мюнхенской конференции. Опрос населения 17-18.02.2007. База данных Фонда «Общественное мнение» // http://bd.fom.ru/report/cat/inter_pol/west_rel/eurosoc/d070820.

⁸⁶ По данным исследования, проведенного учеными из Института социологии РАН, 72 % россиян не удовлетворены тем, как работают демократические институты в целом в нашей стране, и лишь 28 % заявили о том, что они полностью или «скорее» удовлетворены (Российская идентичность в социологическом измерении: Аналитический доклад / Руководитель проекта – Горшков М. – М.: Ин-т социологии РАН, 2007. // http://www.fesmos.ru/Publikat/Gorschkow-Russische_Identitaet.pdf. С.76).

⁸⁷ Спрос на ценности // Ведомости. 2007. №241(2015). 20 декабря // <http://www.vedomosti.ru/newspaper/article.shtml?2007/12/20/138499>.

коллективной идентичности будет усиливаться. Если эта тенденция возобладает, «инновационные» аспекты модели, артикулированной Путиным, могут остаться пустыми риторическими формулами.

Вместе с тем, нельзя сказать, что в массовом восприятии коллективной идентичности по отношению к «Западу» не происходит никаких подвижек. Так, результаты многолетнего коллективного исследования под руководством М.К.Горшкова указывают на некоторые признаки сокращения социокультурной дистанции со Значимым Другим. В ходе опросов, проводившихся в 1998, 2004 и 2007 гг. респондентам предлагалось определить место России на 11-балльной шкале между полюсами, обозначенными «западными» (США, Франция, Германия) и «восточными» (Китай, Япония, Индия) странами по трем позициям: культура, экономика и национальный характер. По всем трем позициям дистанция между Россией и «западным» полюсом шкалы сократилась. Эта тенденция особенно очевидна в отношении экономики: доля считающих, что современная российская экономика приобрела «западные» черты увеличилась в 2007 г. по сравнению с 1998 г. более чем в 2 раза (с 17 % до 36,4 %). Еще более примечательно, что изменились оценки национального характера: в 2007 г. большая часть ответов (около 42 %) оказалась сосредоточена на «западной» части шкалы, перевесив ее «евразийский» центр. По мнению исследователей, эти тенденции отражают не столько переоценку Запада, сколько более отчетливое осмысление «собственной самостоятельности»: потребность в борьбе за самоутверждение стала не столь острой, становится «психологически легче признать в себе какие-то «западные» черты без риска утратить собственную идентичность⁸⁸. Такую динамику следует считать положительной – и в этом смысле попытки Путина и его спичрайтеров диверсифицировать образы Другого, ввести множественные шкалы сходства/различия, видимо, имеют шанс лечь на благоприятную почву.

Заключение

Подводя итоги нашего исследования, следует подчеркнуть, что результаты дискурсивного конструирования идентичностей в полной мере можно оценить лишь ретроспективно. Окажутся ли новые способы самопрезентации России по отношению к ее Значимому Другому, выявленные в риторике Путина, долговременными трендами или благими декларациями – покажет время. Очевидно, однако, что успех зависит не только от более или менее удачно найденных формул соотношения, но и от того, насколько правдоподобными будут казаться слова в свете реального опыта. А это определяется не только векторами политического развития самой России, но и динамикой репрезентации ее образа Западом, а также – тем, какие проекты глобального мироустройства возобладают в мировой политике.

---

⁸⁸ Российская идентичность в социологическом измерении. С.103-106.

Исследование проводится при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, грант № 06-03-02-038а.

Данные об авторе: Малинова Ольга Юрьевна, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН